

ЦЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Темыр Айтчевич Хагуров, доктор социологии,
профессор Кубанского государственного университета,
ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

Классическая триада целей образования, сформулированная ещё в античности, предполагала последовательное формирование у учащихся способностей к пониманию, целеполаганию, деятельности.

Греческие философы считали, что сначала нужно научить человека понимать окружающий мир, то есть снабдить его знаниями и интеллектуальными инструментами. Затем сформировать ценностную позицию, ибо целеполагание основано на ценностях, выбор целей — это всегда выбор тех или иных ценностей. И лишь затем научить действовать, снабдить инструментами практической реализации целей. Быть образованным означало понимать окружающий мир, быть способным к ценностному выбору и уже потом — к эффективной деятельности.

В процессе эволюции образования эта триада целей оставалась основополагающей. С разделением образования на начальное, общее (среднее) и высшее и развитием научно-образовательной специализации цели для каждого уровня и каждой специальности были конкретизированы. Средняя школа учила человека понимать, выбирать и действовать «вообще», то есть

формировала некую общую готовность к жизни в обществе, зрелость (вспомним, как назывался школьный аттестат!). Высшее профессиональное образование формировало способность углублённо понимать какую-то отдельную профессиональную сферу, способность к ценностной ориентации в этой сфере и, наконец, способность к профессиональной деятельности.

Многочисленные реформы и дискуссии, захлестнувшие российскую школу в последние 20 лет, как правило, фокусировались на двух типах вопросов. Во-первых, вопросах *понимания*: какие знания, какие интеллектуальные инструменты и в каком объёме нужны учащимся. Во-вторых, вопросах *деятельности*: общих и профессиональных навыках и умениях, способности решать конкретные деятельностные задачи. Возникла попытка объединить понимание и деятельность в пространстве компетентного подхода. Цели образования свелись к формированию компетенций, что означало *сокращение пространства понимания на фоне углубления пространства деятельности*.

При этом, с одной стороны, ценностная компонента образования — целеполагание — оказалось вытеснено компетентным подходом куда-то на периферию образовательных дискуссий и практик. С другой стороны, культурные трансформации постсоветских лет способствовали интенсивной прагматизации ценностного

дискурса в целом. Погоня за эффективностью и конкурентоспособностью на уровне государственной, региональной и муниципальной политики вызвала к жизни опасный перекося в целях образовательной и воспитательной деятельности. Суть этого перекося может быть выражена одним словом — экономоцентризм. Исключительное внимание на всех уровнях стало уделяться вопросам условий жизни и крайне недостаточное её смыслу и качеству. Политики, чиновники и журналисты много и охотно говорят о средствах, выделяемых на различные мероприятия и программы, и крайне редко о содержании и смысле, культурных и воспитательных последствиях тех или иных предложений или программ.

В результате произошла глубокая прагматизация целей образования. Главными целевыми ориентирами стали «эффективность» и «конкурентоспособность», о которых вслед за высшими государственными чиновниками заговорили ректоры вузов и директора школ. Первым заметным следствием этих изменений стала *прагматическая мутация* мотивации учащихся, в ряде случаев принимающая форму устойчивого прагматического психоза¹: школьники и студенты с готовностью воспринимают знания «полезные», востребованные рынком и гарантирующие заработок и отказываются воспринимать знания «лишние», не имеющие ярко выраженной «полезности».

Присмотримся пристальнее к той группе целей образования, которая скрывается за классической формулой «целеполагание», и тем социальным последствиям, которые влекут за собой их современные трансформации.

Смысл понятия «целеполагание» прост: наряду с инструментами понимания и деятельности мы должны сформировать у наших учеников пространство мотивации — некую систему представлений о *целях*, представлений о том, *зачем* им нужно образование, *зачем* нужны навыки понимания и деятельности. Мотивационное пространство личности включает в себя две группы мотивов: эгоистические и идеальные.

¹ Радаев В.В. Студент — жертва устойчивого прагматического психоза // Политический журнал. — 2005. — № 34 (85). — С. 63–65

Два пространства мотивации

Эгоистическая мотивация	Идеальная мотивация
Экономический успех (деньги) Социальный успех (статус) Профессиональный успех (нарциссическая самореализация)	Смысл + Любовь = аскетическая самореализация

К эгоистическим мотивам относятся:

- стремление к материальному успеху, деньгам;
- карьерные мотивы;
- специфическое удовольствие, получаемое человеком от сознания собственной компетентности.

То, что обычно называют самореализацией, может иметь различную внутреннюю доминанту. Сравните: «я делаю это», «я **делаю** это», «я делаю **это**».

В первом случае налицо самореализация *нарциссического* типа (когда в центре я, любимый), во втором и третьем — самореализация *аскетическая*, когда ведущим мотивом становятся любовь к самой деятельности или смысл этой деятельности.

Эгоистические мотивы могут проявляться как по отдельности (в форме экономической, социальной или нарциссической доминантности), так и в комплексе, когда одновременно присутствуют все три группы мотивов. Хотя обычно доминирует какой-то один эгоистический мотив. Сделаем принципиальную оговорку, позволяющую избежать ненужной ценностной нагрузки: эгоистические мотивы нормальны — ровно в том смысле, в каком каждый человек стремится получить за свою работу деньги, продвигаться по службе и получать удовольствие от своей работы. И эти мотивы остаются нормальными ровно до тех пор, пока у человека сохраняется пространство другой — идеальной — мотивации.

Идеальные мотивы — это мотивы любви и смысла и вытекающей из них

аскетической самореализации, сфокусированной не на себе, а на деле и/или его значении. Подчеркнём, что мотивы любви и смысла — отнюдь не лирика. Любовь к тому, чем занимаешься, — необходимое условие приобретения профессионализма в сложных видах труда — педагога, управленца, врача, чиновника. Смысл — осознание значимости своего труда — важнейшее условие нормального функционирования тех отраслей деятельности, которые связаны со словом «служение»: государственная, военная, социальная служба. Без развитой смысловой мотивации сотрудники этих служб попросту не могут эффективно работать.

Эгоистическое и идеальное пространства мотивации организованы по-разному. Если эгоистические мотивы относительно независимы друг от друга, то мотивы идеальной группы тесно связаны и, как правило, сопутствуют друг другу. В нормальном случае в пространстве мотивации личности присутствуют обе группы мотивов, достаточно сложно сопряжённые между собой. При этом мотивы эгоистические обычно оказываются более естественными, «самозапускаемыми» по сравнению с мотивами идеальными, требующими специального взращивания. В школе (средней и высшей) традиционно акцент делался на мотивации идеальной при неявном допущении, что эгоизм сам себя воспитает и проявит.

Трагедия не только школы, но и всего российского общества последних десятилетий связана с тем, что идеальное пространство мотивации оказалось почти полностью разрушенным, как на индивидуальном, так и на макроуровне. Сегодня огромное количество выпускников школ и вузов обладают частично или полностью разрушенной идеальной мотивацией при практически полном доминировании мотивации эгоистической. Результат — постепенный социальный коллапс: когда в обществе накапливается критическое число носителей разрушенной идеальной мотивации, оно начинает «идти в разнос». Учителя перестают учить, врачи — лечить, правоохранители — охранять право, чиновники управлять государством. Иными словами, все начинают

использовать свою сферу профессиональной деятельности как ресурс удовлетворения эгоистических амбиций стяжательства, карьеризма и нарциссизма.

Именно это и происходит в российском обществе сегодня. Последствия этих процессов особенно явно затрагивают сферу воспитания и социализации. Фактически мы наблюдаем глубокий кризис институтов социального контроля и социальных регуляторов вообще. Семья и школа перестают воспитывать, юстиция и право — сдерживать, правоохранительные структуры — пресекать, культурные институты перестают транслировать обществу смыслы и ценности, способствующие достижению целей социальной солидарности и развития.

Как следствие, в обществе возникает запрос на создание и внедрение эффективных механизмов социальной регуляции: антикоррупционных и правоохранительных, профилактических и коррекционных, финансовых и правовых. При этом общая позиция практиков подчёркнуто прагматична и в обращении к потенциалу социальных наук звучит так: «не надо нам заумной теории, дайте работающие технологии и механизмы». Мне, как эксперту, консультирующему органы региональной власти и силовые структуры, сталкиваться с этим приходится постоянно.

В сложившихся социокультурных условиях эффективно работать не будут никакие механизмы и технологии. Проиллюстрируем это на примере самого известного и очень грамотно и последовательно внедрённого в социальную практику антикоррупционного образовательного механизма — ЕГЭ. Основным аргументом в пользу этого экзамена выступала борьба с высоким уровнем коррупции при поступлении в вузы. И что в итоге? Каждый год мы наблюдаем коррупционные скандалы вокруг ЕГЭ.

Другой пример — введённый во многих регионах России (инициатором был Краснодарский край) «детский комендантский час» — запрет на нахождение

несовершеннолетних вне дома без сопровождения взрослых после 22.00. Этот закон может загнать детей домой. Но может ли он заставить родителей любить детей и заниматься ими?

Ответ очевиден.

Любые внедряемые сегодня механизмы социальной регуляции (правовые или экономические) не будут эффективно работать в силу глубочайшего социокультурного кризиса, суть которого может быть выражена с помощью следующей базовой метафоры.

Представим общество в виде бочки, внутри которой налита «вода» человеческих страстей, потребностей и желаний. Стенки бочки — это базовые социальные регуляторы: мораль, религия, семья, традиция и культура в виде массовых видов искусства). Эти стенки скреплены железными обручами права и экономики. Когда стенки бочки по какой-то причине сгнили, то, сколько обручей (правовых механизмов) ни надевай сверху, бочка всё равно будет протекать: страсти и желания вырвутся наружу. Это мы и наблюдаем последние 20 лет.

Такое состояние общества может быть обозначено как кризис идеального². Теорию анализа такого состояния социума с позиций моральной философии глубоко разработал А. Макинтайр³. Коротко коснёмся основных идей этого анализа, глубоко совпадающего с теми идеями, которые были высказаны выше.

Существование общества требует включения отдельных индивидов в разнообразные социально значимые виды деятельности — социальные практики — добывание пищи и других ресурсов, управление, оборона от внешних врагов, накопление и передача знаний и т.п. Все социальные учреждения и институты с необходимостью опираются на те или иные практики. Чтобы эта социально значимая деятельность стала возможной (вне зависимости от её конкретного содержания), необходимо навязать

² См.: Хагуров Т.А. Кризис идеального как генератор девиаций в российском обществе // Феноменология и профилактика девиантного поведения. Мат-лы IV Всеросс. научно-практ. конф. 28–29 октября 2010 г. — Краснодар: Краснодар. ун-т МВД, 2010. — С. 40–45.

³ См.: Макинтайр А. После добродетели. Исследование теории морали / Пер. с английского В.В. Целищева. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

(привить, передать) отдельным индивидам общие стандарты или принципы поведения. Иными словами, необходимы правила игры.

Люди, участвующие в практиках, руководствуются двумя видами мотивов: внутренними (идеальными) и внешними (эгоистические). К внутренним относится специфическое удовольствие, получаемое посредством участия в практике, то, что выражается словами долг, призвание, любимое дело (мотивы социального служения и любви). К внешним — блага, могущие быть полученными любым другим способом: деньги, власть, чувственные удовольствия.

Индивиды, участвующие в практике, должны стремиться к внутренним благам (обладать идеальной мотивацией). Стремление исключительно к внешним благам (деньги, власть, удовольствия) разрушает практики. Когда же критическая масса носителей идеальной мотивации падает ниже какого-то уровня (этот уровень трудно локализуем, но он есть), то начинаются разнообразные дисфункции социальных институтов (нарушения правил игры), приводящие к их коллапсу и далее к системному социальному распаду, на пороге которого находится сегодня российское общество. Системный социальный распад — масштабное разрушение ключевых социальных практик: права, здравоохранения, управления, обеспечения безопасности. Начальная стадия этого процесса разворачивается на наших глазах. В первую очередь в подобной ситуации страдают такие институты, как семья, школа и право.

Выход из сложившейся ситуации не может быть простым, как не бывает простой задача реабилитации утраченных ценностей. Однако отказ от решения этой исключительно непростой задачи в самом ближайшем будущем поставит нас перед лицом системного социального распада, в его *полной*, а не начальной как сейчас, стадии. А это по-настоящему страшно. **В.Ш**